

Анатолий Жигулин и Алексей Прасолов... Два крупнейших поэта, уроженца Воронежского края. В святцах русской литературы второй половины XX века их имена стоят так же прочно и незыблемо, как имена их земляков Алексея Кольцова и Ивана Никитина в поэзии века девятнадцатого. словно два берега реки Воронеж... Только разные они, эти берега. Один — крутой, высокий, обрывистый, а второй — пологий, низменный, заросший ивняком или смешанным лесом, с золотыми песчаными дюнами и заливленными лугами...

Какой из них лучше? Какой ближе нашему сердцу?

Риторические вопросы.

В конце 70-х годов прошлого века не самые последние в литературной иерархии столичные критики на полном серьезе обсуждали, какой поэт именитее, кто из них оказал большее влияние друг на друга? Раздавались и упреки: Жигулин, мол, «не любил Прасолова» и «скрывал» его от широкой читательской публики.

Так ли это? Постараемся ответить на эти вопросы, опираясь, прежде всего, на первоисточники — дневниковые записи А.В. Жигулина о Прасолове и письма А.Т. Прасолова Жигулину 1963–1968 годов, бережно сохраненные в домашнем архиве писателя.

Материалы публикуются впервые.

Даже при мимолетном знакомстве с биографиями Анатолия Владимировича Жигулина и Алексея Тимофеевича Прасолова поражает обилие внешних сходств в их непростых и удивительных судьбах.

Первое сходство заключается в том, что они ровесники (разница в возрасте — всего девять месяцев и тринадцать дней).

Анатолий Владимирович Жигулин родился 1 января 1930 года в Воронеже в семье почтового служащего Владимира Федоровича Жигулина и Евгении Митрофановны Раевской, правнучки поэта-декабриста В.Ф. Раевского, друга А.С. Пушкина. Раннее детство прошло в селе Подгорное на юге Воронежской области. Детские воспоминания навеяли мотив известного, ставшего каноническим, стихотворения «Родина» (1963):

Помню я: под сенью старых вишен
В том далеком,
В том донском селе
Жили пчелы в камышовых крышах —
В каждой камышинке по пчеле...

В автобиографической повести «Черные камни» А.В. Жигулин написал: «Село Подгорное, но существу, — главная моя родина. Дело в том, что родился я в Воронеже случайно и раньше времени, восьмимесячным. Мать ездила из Подгорного хоронить мою бабуку, свою мать, умершую в последние дни 1929 года. От волнений и переживаний матери я и появился на свет раньше. Меня еле-еле выносили...»

Как признавался А.В. Жигулин, в стихотворении «Родина» он это село, интуитивно повинувшись поэтическим законам, немного «сместил». На самом деле оно не вполне донское. Батюшка Дон протекает восточнее, километрах в двадцати пяти, в Белогорье — вблизи еще одного знаменитого воронежского села.

«В этих местах Воронежской области Великая Россия постепенно переходит в Малую, и в разговорной речи до сей поры равноправны и русский, и украинский языки. Так я и рос первые свои семь лет — слыша и усваивая одновременно два говора, — писал далее А.В. Жигулин. — <...> Правильное украинское произношение очень помогло мне много лет спустя в сибирских и колымских лагерях, где много было украинцев.

Приличное знание второго богатого славянского языка помогает мне и сейчас — в литературной, поэтической моей работе».

Алексей Тимофеевич Прасолов родился 13 октября 1930 года в селе Ивановка Михайловского (ныне Кантемировского) района Воронежской области в крестьянской семье. С семи до семнадцати лет жил в селе Морозовка. Это тоже юг области... От Ивановки или Морозовки до Подгорного — рукой подать.

Одна и та же земля вскормила двух замечательных поэтов. Одно и то же небо было над их головами. Одни и те же облака плыли над ними в вышине. Одни и те же колыбельные песни пел им южный степной ветер...

Второе сходство — военное детство. Вторая мировая война затянула в кровавую воронку десятки миллионов судеб, в том числе и их мальчишеские жизни.

В автобиографической повести «Черные камни» А.В. Жигулин пишет: «А пришла война вот как. Из черного круглого большого репродуктора объявили о ней. Взрослые почему-то очень заволновались. А я спокойно сидел на верхней ступеньке лестницы, ведущей на большой балкон, на второй этаж дома, где жили Раевские. <...> Налеты, воздушные тревоги, аэростаты воздушного заграждения. Стрельба зениток. Новенькие блестящие осколки зенитных снарядов. Бесконечные пере-

годы из одной школы в другую: помещенная школа занимала под госпитали. За 1941/42 учебный год я учился, по крайней мере, в шести-семи разных школах».

Но «настоящая, самая злая война» пришла, когда фронт приблизился вплотную к Воронежу. Голод и холод, разлука с родными и близкими, бомбежки, в которых Толя Жигулин и его младший брат Слава едва не погибли, скитания по городам и весям.

Война заставила сразу повзрослеть и школьника Алексея Прасолова... Похоронка на отца, Тимофея Григорьевича. Трагедия оккупации, которую мальчик пережил вместе с матерью и младшим братом. Военное лихолетье не могло не наложить отпечаток на личность поэта и не отразиться в его стихах и прозе — неоконченной повести «Жестокие глаголы».

Третье сходство. Оба еще в школе начали писать стихи, рано осознали себя поэтами. Практически одновременно стали печататься в воронежских периодических изданиях.

29 марта 1949 года на страницах многотиражной газеты «Революционный страж» (орган политчасти областного управления МВД) появилось стихотворение старшеклассника Анатолия Жигулина «Два рассвета» («Тебя, Воронеж, помню в сорок третьем»). Спустя полтора месяца, 15 мая, в областной газете «Коммуна» было напечатано его стихотворение «Пушкинский томик». Следующей публикации начинающему поэту, по независящим от него причинам, пришлось ждать более пяти лет.

Первое стихотворение Алексея Прасолова — «Великий свет» — было напечатано в росошанской районной газете «Заря коммунизма» 7 ноября 1949 года.

Воронежский писатель В.В. Будаков недавно обнаружил письмо бывшего редактора этой газеты Б.И. Стукалина, в котором рассказывается о первых шагах А.Т. Прасолова на литературном поприще: «Однажды <...> меня пригласили на встречу с учащимися педагогического училища. Не помню, как называлась моя лекция. Речь шла о юбилее какого-то писателя. Аудитория оказалась любознательной. Вопросам не было конца. Даже после того, как истекло время, отведенное для лекции, я продолжал «отбиваться» от наиболее активных слушателей. Среди них был невысокого роста худощавый паренек с нездорово-бледным лицом. Он стоял молча и, видимо, ждал подходящего момента, чтобы обратиться ко мне. Когда такой момент наступил, я услышал негромкий глуховатый голос:

— Вот мои стихи, посмотрите и оцените. Моя фамилия — Прасолов. Алексей Прасолов.

В руках у него была тоненькая ученическая тетрадь. Я пообещал внимательно ознакомиться с рукописью и высказать свое мнение. Как только выдался свободный час, раскрыл прасоловскую тетрадь. Стихи были довольно слабыми, ученическими, навеянными скорее атмосферой того времени, газетной публицистикой, чем собственными наблюдениями, потребностью сказать свое слово о происходящем вокруг.

Но встречались и вполне оригинальные строки, свежие образы, словесные находки. Чувствовалась склонность к обобщениям, что потом стало столь характерным для позднего Прасолова».

Четвертое сходство. Путевку в большую литературу обоим воронежским поэтам дал их великий современник, главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский.

О роли А.Т. Твардовского в жизни и творчестве А.В. Жигулина рассказывалось в моей предыдущей статье «Болью, раскаленной добела. Дневниковые записи Анатолия Жигулина об А.Т. Твардовском и А.И. Солженицыне» («Подъём», 2016, №1. — С. 128–183).

В восьмом, августовском, номере журнала «Новый мир» за 1964 год была опубли-

Анатолий Жигулин и Алексей Прасолов. Встреча в Семилукской ИТК.
1964 год. (Публикуется впервые)

ликвана большая подборка стихотворений Алексея Прасолова («Весна от колеи шершавой...», «Привычно клал он заводскую...», «Черней и ниже пояс ночи...», «Среди цементной пыли душной...», «Платье — струями косыми...», «Взметнулы трубы медные...», «Сюда не сходит ветер горный...», «Далекий день. Нам по шестнадцать лет...», «Зима крепит свою державу...», «Тревожит вновь на перепутье...»).

Десять стихотворений провинциального автора в легендарном «Новом мире» Александра Твардовского, который сами современники называли лучшим из «толстых» литературных журналов, — второго такого случая в истории отечественной словесности минувшего века, насколько нам известно, не было.

Публикация в «Новом мире» была «входным билетом» в большую литературу, она означала всесоюзное признание, открывала дорогу к сотрудничеству с центральными печатными изданиями. Правда, в полной мере открывшимися возможностями сумел воспользоваться только А.В. Жигулин, у которого при жизни вышло более 30 поэтических книг. В среднем получается по одной книге в год (весьма приличный результат). А.Т. Прасолов успел выпустить всего четыре сборника и лишь один из них — в Москве («Лирика», 1966).

А.Т. Твардовский не только открыл на литературном небосклоне новые имена, он принимал личное участие в житейских судьбах воронежских поэтов. Пользуясь высокими полномочиями (депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь Союза писателей СССР), Александр Трифонович устраивал Анатолия Жигулина в московскую больницу, звонил хирургу, который должен был его оперировать, а Алексея Прасолова вызволял из мест лишения свободы, куда тот попал по нелепому стечению обстоятельств.

Такое не забывается!

Оба поэта впоследствии написали статьи для сборника «Воспоминания об А. Твардовском».

Фрагмент из статьи А.В. Жигулина «Слезам нужно верить...»: «Говорят, Твардовский в жизни бывал порою суров и даже резок, в частности, в отношении к

молодым поэтам. Допускаю, что в этом есть небольшая доля истины, идущая от высоких требований поэта к стихам. Но мне всегда открывался в нем, прежде всего, человек добрый, участливый, готовый помочь. Сейчас понимаю, как много значили для меня даже нечастые общения с Твардовским, и для моего творчества, и даже — не побоюсь сказать — для окончательного формирования моего мировоззрения.

Не говоря уже о самом прямом участии Твардовского в моей судьбе...»

Последние фразы из статьи А.Т. Прасолова «Строгая мера»: «Судьба дала мне встречу с одним лишь поэтом. Но им было Твардовский».

Пятое — и не очень хорошее — сходство (лучше бы его не было вовсе). Оба на себе испытали всю тяжесть горькой русской пословицы: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся...» А, впрочем, как знать... Не будь в их судьбах этого страшного испытания, стали бы они поэтами? Обрели бы свой индивидуальный, неповторимый голос?

Кто знает, состоялся бы Федор Михайлович Достоевский как великий писатель, если бы ему не пришлось провести четыре года «во глубине сибирских руд»? Если бы не было в его жизни Омского острога, о котором он впоследствии писал: «И сколько в этих стенах было погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?»

А чего стоит признание Александра Исаевича Солженицына: «...Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня не посадили?»

В сентябре 1949 года студент первого курса Воронежского лесотехнического института Анатолий Жигулин был арестован и объявлен «врагом народа» за участие в подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ). 24 июня 1950 года решением Особого совещания при министре государственной безопасности СССР он был приговорен к 10-ти годам исправительно-трудовых лагерей. Наказание отбывал в лагерях и тюрьмах Сибири и на Колыме. После смерти Сталина был освобожден и полностью реабилитирован.

А.Т. Прасолов дважды оказывался в местах лишения свободы по так называемым бытовым статьям Уголовного кодекса РСФСР. Когда Твардовскому поведали о совершенных Прасоловым «преступлениях», он с горечью произнес: «Да так пол-России посадить можно».

Даже болезнь, развившаяся в лагерях и тюрьмах, и та была у них общая (туберкулез легких).

Общее также — учеба на Высших литературных курсах Союза писателей СССР. С одной разницей: А.В. Жигулин сумел их благополучно закончить, а А.Т. Прасолов, едва приступив к занятиям, был отчислен из-за известной пагубной привычки... К сожалению, широко распространенный на Руси «грех» был присущ также и Жигулину.

На этом внешние сходства в их биографиях не заканчиваются. Есть и другие поразительные совпадения... Но о них мы скажем в конце статьи.

«ЧТО-ТО ДРОГНУЛО В СЕРДЦЕ...»

Записей в дневнике А.В. Жигулина об А.Т. Прасолове при жизни последнего, казалось бы, не так уж и много. Но и их достаточно, чтобы сделать однозначный вывод: Жигулин сразу и безоговорочно признал в Прасолове крупного и талантливого поэта. А Анатолий Владимирович, еще в юности перенесший столько бед и испытаний, сколько хватило бы, пожалуй, на несколько обычных жизней, умел разбираться в стихах и людях.

«12 января 1960 года, вторник.»

<...> Заходил в издательство. <...> Сейчас в клубе журналистов. <...> Литературный вторник прошел чудесно. Доклад В. Гордейчева очень понравился. И не только потому, что он заочно похвалил мой, еще не вышедший, сборник. Вообще много хорошего и важного было сказано. Затем выступил Володя Гусев. Славный малый! Прошелся «горячим утюгом» по Луткову. Молодец! По адресу Луткова отрицательно говорили и Подобедов, и Волохов. Очень приятное явление. Давно надо было. Выступали: Андрейкович, Прудковский, Локотков. Поэты отмалчивались. Прочитали стихи только в конце. Я читал «Памятник» и «Рельсы».

Хорошие стихи прочел А. Прасолов. Талантливый поэт. Вот его бы надо издавать, а не Луткова».

«24 января 1960 года, воскресенье.»

В «М<олодом> к<оммунаре>» довольно приличные стихи А. Прасолова и В. Порядина».

Один эпизод в отношениях поэтов заслуживает подробного рассказа. Это посещение А.В. Жигулиным Семилукской исправительно-трудовой колонии и его выступление перед заключенными 2 февраля 1964 года. В этой тюрьме, расположенной неподалеку от Воронежа, А.Т. Прасолов отбывал второй срок с июня 1962 года по август 1964 года.

«15 сентября 1963 г., воскресенье.»

Вчера получил бандероль от Мурковой (шутливое имя, данное А.В. Жигулиным любимой супруге. — В.К.) — несколько книжек, несколько писем. <...> Ал. Прасолов прислал письмо. Ирина пишет, что его письмо, а также официальное приглашение выступить со стихами перед заключенными Семилукской ИТК № 1, принес майор, начальник по политчасти (это, наверное, вместо КВЧ теперь). Приглашение — удивительный документ! Сохраню его. И конечно, надо поехать выступить. Обязательно выступлю на каникулах. А Прасолову сборник pošлю».

«27 января 1964 года, понедельник.»

<...> Приходил подполковник (опечатка: майор. — В.К.) А.Н. Гонтарев, пригласил выступить в воскресенье перед заключенными ИТК в Семилуках. Надо, конечно, выступить».

«2-го февраля <1964 года>, в воскресенье, были с Ириной в Семилуках в ИТК № 1. Это лагерь строгого режима, для рецидивистов. Что-то дрогнуло в сердце, когда мы с майором А.Н. Гонтаревым прошли через вахту. Это от волны забытых ощущений. Да. Лагерь есть лагерь, несмотря на все положительные изменения.

В большом зале с черным мокрым полом собралось около трехсот заключенных. Черные телогрейки, стриженные головы. На стенах плакаты вроде «Честный труд — путь к досрочному освобождению». Дощатая сцена, трибуна. На сцене за столом: я, майор, Ирина, какой-то заключенный из актива. Прасолов рассказал немного обо мне, прочитал статью Ф. Овчаренко. Потом несколько моих стихотворений прочитали заключенные. Один паренек лет 20-ти (лицо необыкновенно честное) читал «Песню». Кто-то читал «О дружбе». А потом читал я. Начал с «Флажков». Впрочем, нет. Сначала читал «Предок», лирику. А «Флажки» приняла великолепно. Кто-то крикнул из зала майору, что, дескать, чифирить можно, раз стихи есть о чифире. В лагере (после говорил майор) чифирят, особенно в ночную смену на заводе. Потом читал многие стихи, в том числе «Работу», «Кострожогов», «Бурундука». Говорил о своей судьбе. Посыпались вопросы. Кто-то спрашивал, где я был в лагерях. Один заключенный (типичный бандит с мясистым лицом) спросил, не моего ли сочинения песня «Далеко в краю Иркутском» (или что-то в этом роде). И так серьезно спросил. И слушали внимательно, как

дети, с большим интересом. А после выступления обступили со всех сторон. Много было вопросов. И кто такой Борис Корнилов, и над чем я работаю, и встречался ли я в лагерях с Солженицыным, и не собираюсь ли я писать об уваровцах и Зеленой шапочке (это лагерные группировки), и очень много было других вопросов. Многие благодарили, просили адрес мой, чтобы написать. Кто-то обещал прислать свои материалы «из жизни». Один паренек читал мне свои сумбурные путаные стихи, где целые строфы были из Пушкина. Он же приветствовал меня своими стихами в начале встречи (что-то вроде «Приветствую тебя, собрата по перу...»).

Потом меня фотографировали с передовиками и дружинниками в библиотеке. Теперь о Прасолове. Он попал второй раз, дали 4 года, и досрочно теперь уже не освободят (осталось два года пять месяцев), но майор говорил мне, что будут ходатайствовать. Пишет стихи. Выглядит плохо, работает в библиотеке. Может быть, следовало принести ему что-нибудь, но мы не догадались (какой мне позор — сам ведь сидел 5 лет!) А с другой стороны — и не знаешь, что принести. Ведь с питанием-то у них благополучно.

Прасолов попал очень нелепо. Какие-то яйца полез воровать по пьянке. Вот слабость в человеке! Очень жаль его, а что поделать?.

«13 февраля 1964 года, четверг.»

<...> Алеша Прасолов прислал фотоснимки, сделанные во время выступления в лагере. Очень трогательно! Только на карточке заметил я огромный плакат над сценой: «Привет поэту Анатолию Жигулину» и другой плакат со строкой из «Рельсов». Я раньше их не заметил, смотрел на людей. Подумал, наверное, что это рядовые лозунги».

ПИСЬМА ИЗ «МЕРТВОГО ДОМА»

А теперь прочтем письма А.Т. Прасолова Жигулину, написанные им в Семилукской исправительно-трудовой колонии. Выражаясь словами Ф.М. Достоевского, письма из «Мертвого дома». И краткие пометки-комментарии, сделанные рукой Жигулина...

«Здравствуй, Анатолий!

Извини за неожиданное беспокойство. Я нахожусь в Семилуках — ты знаешь, видимо, причины.

Здесь проводятся культурные мероприятия. Весной на читательскую конференцию к нам приезжал герой книги «Неутраченное счастье» — С.И. Батраченко. Был хороший разговор с людьми в непринужденной обстановке. Люди остались благодарны Батраченко. Здесь это, как сам понимаешь, особенно ценится теми, кто отрезан от большой жизни и тянется к ней изо дня в день.

Знают здесь и твои стихи. У нас есть твой второй сборник — «Костер-человек». Третьего — московского — пока нет. Ребята очень хотят пригласить тебя к нам на литературный вечер. У нас есть летняя эстрада, если же, паче чаяния, будет плохая погода — имеем вместительный клуб, микрофон.

Администрация колонии сделает все, чтобы ты не испытал неудобств: выделит машину и т.д. Хорошее и, кажется, вполне реальное дело. И здорово было бы, если бы у тебя случайно не оказалось помех, причин и прочего. Мы будем надеяться. Прихвати свою новую книжку — «Рельсы». Ребята выступят с полюбившимися им твоими стихами. Новые прочтет им автор. Согласен ли он, не обидит ли отказом «зеков»?

Пожалуй, здесь можно будет реализовать часть тиража. Администрация устроит, думаю. Составим список желающих обзавестись твоим сборником; все реально. Это письмо тебе вручит наш начальник по политчасти — майор Гонтарев.

Мы ему многим хорошим обязаны. Ждем тебя к нам. О времени приезда вы с ним договоритесь. Желаю здоровья, новых стихов, удач.

А. Прасолов. 7.IX.63».

К письму А.Т. Прасолов приложил письмо-ходатайство совета коллектива ИТК № 1 и план проведения творческой встречи с Анатолием Жигулиным.

Пометка А.В. Жигулина на письме Прасолова: «Ответил, послал 28.IX.63 г. две книги «Рельсы» зак<азной> банд<еролью>. Ан. Ж.»

«Дорогой Анатолий!

Спасибо за книгу, за письмо. Воронежские приятели, кажется, шарахнулись от меня в стороны. Виноват сам. Но за это расплачиваюсь. Выйду я в июне 66-го. <...> Пишу ли? Пишу. Посылаю 4 стиха из последних. В них мое главное направление, которое от условий не меняется. Будешь в Воронеже, обо мне и стихах не распространяйся. Так лучше для меня».

Далее А.Т. Прасолов приводит в письме четыре новых стихотворения: «Тревожит вновь на перепутье...», «Среди цементной пыли душевной...», «Весна от колеи шершавой...», «В ночи заботы не уйдут...»

Продолжение письма: «В январе ждем. Лозунги с выдержками из стихов готовы, ждут. Привози новое — даже не для эстрады. Надеюсь, я буду здесь. Перемен пока не предвидится. Самое жестокое — пытка временем. Еще 2 года 9 месяцев. Самоубийство, брат... Но — сдюжим. Здоровье — как было. Передач не разрешают. Своей одежды — тоже. Такова теперь Фемида. Не мытьем, так катаньем. Ждем, Толя. Нач<альни>к мой — добрый человек, любит литературу (один здесь такой). Просил прочесть ему твой ответ. Буду рад поделиться с ним.

Желаю удач. Больших, настоящих, высоких. Моя учеба накрылась этим «университетом» с 4-годовалым (для меня) обучением. Жму руку. Желаю устойчивого здоровья и таких же стихов.

А. Прасолов. 3.X.63».

На конверте — пометка А.В. Жигулина: «Ответил открыткой 6.XI.63. Ан. Ж.».

«Здравствуй, Толя!

За открытку, за праздничное поздравление — спасибо. А сам... виноват, не смог тогда ответить, поздравить: мне можно посылать в месяц 2 письма — в этом причина, черт бы ее побрал. Сейчас (заблаговременно!) поздравляю с близким уже Новым годом. Ждем приезда. В обещание верим. Обязательно укажи заранее приблизительное число — это очень важно.

Сейчас сижу над приветствием П.М. Гаврилову — герою Бреста. Завтра с ним у нас встреча. Он гостит в Воронеже, и его заманили к нам! То-то, брат. Приезжай. Ждем. Укажи срок. Жму руку. Всего лучшего — во всем.

Твой А. Прасолов. 14.XII.63.

P.S. 15.XII.63. Герой Бреста был. Встреча прошла ярко. Удивительной силы Человек... Увез мои стихи, посвященные ему. Ждем тебя. А.П.»

Следующее письмо написано уже после встречи с А.В. Жигулиным:

«Здравствуй, Анатолий!

Ты, наверно, уже вошел в московскую колею. Сегодня мы с майором Гонтаревым отобрали фото, разделили их пополам и отсылаем — тебе и Ирине. Дьявольщина, я не знаю ее отчества и пришлось обращаться сразу: «Здравствуйте, Ирина!»

Фото, быть может, не совсем совершенны, но Аркадий, тот, с усами, — старался. Даже похудел. Ему пришлось их делать много: для альбома и для стенда, который увозят в Воронеж на смотр. О встрече, о стихах разговоры до сих пор. Поэзию у нас приняли лучше, чем что-либо другое. Вот тебе и сущность человеческая... Только затронь — и раскроется.

Забегали наши советники. Требуют стихов, стихов, советов и т. д. О тебе говорят: простой и все — от души.

Спасибо за приезд. Гонтарев благодарит тебя и Ирину по-человечески. Он — Человек, как ты сам заметил. Написал я Виктору (В.М. Поляков, воронежский поэт. — В.К.) Летом не нагрянете ли вдвоем? Видишь, разлакомились как! Желаю здоровья, емких стихов! До свиданья! Жму руку. Твой Алексей. 8.II.64 г.»

Пометка А.В. Жигулина: «Ответил 19.II.64 г. Ан. Ж.»

«Здравствуй, Анатолий!

Сейчас м-р Гонтарев принес фото, которое ты просил. Такое же, наверно, у тебя дома в пачке, посланной Ирине. Андрей Никитич передает тебе теплый привет, благодарит за приезд и надеется, что он повторится летом. Кажется, твое слово твердое. Если с Поляковым — еще лучше. Я написал ему письмо, но он молчит. Вторично после этого писать неловко.

Итак, ты можешь лицезреть наших общественников. Именуются они членами СВП (секции внутр<енного> порядка) и борются с цифирем, который ты воспел. Кстати, после стихов некоторые заявили: «Вот! Про цифирь даже стихи пишут, а у нас считается нарушением! Ладно, не прочти в этом упрека.

Как пишется, как дышится? Бывай здоров. Привози стихи. Теперь встретят как знакомого — вдвойне теплей, радушней. Всего хорошего.

А.П. 28.II.64».

Пометка А.В. Жигулина: «Написал и послал открытку 26.IV.64 г. Ан. Ж.»

«Здравствуй, Анатолий!

Сейчас ты, наверно, занят... Но — извини за беспокойство. Дело в следующем. У нас есть теперь литгруппа, которая выпускает альманах. Ребята спрашивают — будет ли Анатолий Жигулин летом? Ты, пожалуйста, черкни по этому поводу пару строк.

И еще. 20 июня у нас литературный вечер. Ребята будут читать свое. Включено и твое письмо П. Бородину (стихи его включить пока не можем — ты сам их видел; у нас тут есть довольно опытные — я даже не ожидал, что выявим таких). Так вот: хорошо было бы, если бы ты написал коротенькое поздравление и пожелание литгруппе — мы зачитали бы его с эстрады на вечере. Сегодня 9 июня, сделай так, чтобы к 20-му ответ был у нас. Идет? Это займет 5 минут для написания, ну, а для ребят будет большим делом. Эксплуатируем тебя!

Как дела? Подборку в «Мол<одой> гв<ардии>» читал. Номер и сейчас у Гонтарева. Что — впереди? Скоро — в Воронеж? У меня все, как было. Чего-то жду, но это наше всегдашнее состояние. Ирине — привет! За открытку — спасибо, хоть и запоздалое. Итак, ждем письма. К 20-му! Иначе — невпопад...

Желаю всего желаемого. Будь здоров. Держи лапу. От имени и по поручению...

А. Прасолов. 9.VI.64».

Пометка А.В. Жигулина: «Ответил 16.VI.64 г. Ан. Ж.»

«ОН ПОЭТ МИЛОСТИЮ БОЖИЕЙ...»

Следующие дневниковые записи А.В. Жигулина об А.Т. Прасолове сделаны после того, как по ходатайству А.Т. Твардовского поэт был освобожден из заключения, и в Москве в 1966 году в издательстве «Молодая гвардия» — тоже при поддержке Твардовского — вышел его первый и единственный при жизни столичный сборник стихов «Лирика».

«28 июля 1966 года, четверг.

Вечер, скоро 21 час. Позади все московские волнения и невзгоды, вся суета и сутолока. Пишу сии строки в Воронеже, в Садах, в уютном нашем домике. Пишу

Анатолий Жигулин, Валентин Семёнов, Алексей Прасолов (слева направо) в редакции газеты «Молодой коммунар». 1966 год

при свете электрической лампы. Великолепно! Словно в другой мир переселился — такая благодать и спокойствие! Как целительно действует на человека природа!

<...> 27-го, в среду, приехал в родной город. <...> Заходил в Союз писателей. <...> Потом ходили с Пресманом и А. Прасоловым по городу».

«1 августа 1966 года, понедельник.

<...> Союз писателей. Пресман, Прасолов, Э. Пашнев. А. Прасолов долго читал стихи. Рест<оран> «Бристоль» (не помню, как сейчас называется). Опять стихи. Разговор о поэзии. <...>

В гостях у Прасолова. Гост<иница> «Маяк».

О Прасолове (мои мысли). Не от мира сего человек. Крупный поэт. Алкоголик. Жаль. А может, это и ничего? Может, так и должно быть?»

«18 августа 1966 года, четверг.

<...> Получил гонорар в «М<олодом> к<оммунаре>» и пил с А. Прасоловым пиво в буфете гост<иницы> «Москва». Он был весьма пьян и выразил отрицательное отношение к моим стихам, вернее, к самой манере письма. Я, мол, (сказал он о себе) ищу истину не так в лоб, как ты. Ну, что ж, пусть зашифровывает известные вещи».

«3 января 1967 года, вторник.

<...> Привез <домой> почитать книжечку А. Прасолова «Лирика», вышедшую в «Мол<одой> гвардии» (переиздание воронежской книги, но в меньшем объеме)».

Чуть более четырех месяцев — с 21 марта по 1 августа 1967 года — А.В. Жигулин работает в редакции «Литературной газеты» в должности редактора отдела русской литературы. В этот период им была предпринята попытка организовать и опубликовать в «Литературной газете» статью о творчестве А.Т. Прасолова.

«16 апреля 1967 года, воскресенье.

<...> 12-го, в среду, ездил на редакционной машине в Союз пис<ателей> СССР. Во дворе СП меня увидел Гусь (В.И. Гусев. — В.К.). Говорили о рецензии на А. Прасолова. Стихов участников слета не удалось достать — одни графоманы. <...>

13-го, в четверг, обычный рабочий день. Вечером пришел Гусь, принес рецензию на <стихи> А. Прасолова.

«18 апреля 1967 года, вторник.»

...В редакции «Литгазеты» — обычная суета. Буртин вернул рецензию Гусева».

По инициативе А.В. Жигулина 12 июля 1967 года в «Литературной газете» была опубликована большая подборка стихотворений воронежских поэтов, в том числе — четыре стихотворения А.Т. Прасолова.

«13 июля 1967 года, четверг.»

Утро. Летучка. Обзор делает фельетонист Юрий Алексеев. <...> Хвалит подборку воронежцев. Предлагает на доску Почета стихи Ал. Прасолова».

«24 декабря 1968 года, вторник.»

<...> Гордейчев сообщил, что Прасолов опять пьет и что у него туберкулез, лежит в больнице. <...>

— Но все-таки, — сказал я, — вы там берегите Прасолова. Он поэт милостию Божией...»

В мае-июне 1969 года А.В. Жигулин находится с семьей в гостях у родителей в Воронеже. Записи в дневнике свидетельствуют об обычном распорядке его жизни: визиты в редакции газет, журнала «Подъём», писательскую организацию, книжное издательство, встречи с местными литераторами и журналистами. По сложившейся традиции, дружеские беседы литераторов проходили за кружкой пива и нередко плавно переходили в банальную пьянку...

«Вчера, 31-го мая, в субботу, утром были В. Мартынов и странный, грязный Алеша Прасолов».

«2-го июня 1969 года, в понедельник, с утра и днем озноб, паршивейшее состояние, какая-то внутренняя дрожь. Оделся потеплее, лег, страдал. И что это за болезнь? Реакция организма на пипольфен? Или алкогольного происхождения сей недуг?»

Получил днем гонорар в «Мол<одом> ком<мунаре>». Беседовал с Е. Дубровиным. Искал В. Полякова, нашел в Союзе <писателей>. Там же Прасолов с дрожащими руками, но уже чище, не такой грязный, как обычно. Даже бритый. Ушли от него, однако. Тяжко с ним. Пришли к нам, выпили водочки и поели крошки. Озноб и дрожь пропали...»

НОСТАЛЬГИЯ

Из письма А.Т. Прасолова А.В. Жигулину: «Здравствуй, Толя! Спасибо за письмо. В отношении Буртина-Бардина ясно. Я писал, не имея под рукой той давней телеграммы, поэтому неверно назвал фамилию. О том, что ты в «Лит<ературной> газете», не ведал до твоего письма. Читал твою подборку в «Новом мире». Что нового есть у тебя и где думаешь появиться? Со временем я подготовлю свою подборку и пришлю в «Лит<ературную> газету». В случае чего, ты сообщи, если что-либо будет там готовиться. Гусева часто видишь? Передай ему привет. Если встретишь мою книжку «Лирика», будь добр, пришли экз<емпляра> два. Здесь нигде ее нет — ни в Воронеже, ни в россосанской дыре, где я обитаю.

Всего доброго. А пуще всего — здоровья и стихов. Жму руку. А. Прасолов. 28.VIII.67».

Пометка А.В. Жигулина: «Ответа не требует — устарело. 2.XI.68 г. Ан. Ж.»

Как видно из следующего письма, А.Т. Прасолов очень сожалел, что не смог встретиться и «поговорить о сущем» с Анатолием Жигулиным в Москве, когда на весьма непродолжительное время оказался на Высших литературных курсах.

«Здравствуйте, Анатолий и Ирина!

Я не знаю, дома ли ты сейчас, Толя. Хотелось бы этого.

Иринка, ты извини, что в ту пятницу, о которой мы договорились, я не смог не только съездить к Анатолию в больницу, но даже позвонить тебе на работу. Дело в том, что организаторам краткосрочных ВЛК очень захотелось повезти нас в Ленинград на экскурсию. В четверг, перед той пятницей, в 4 часа дня я был уже вне Москвы, в которой после был проездом.

Вообще, все промелькнуло калейдоскопически, и только сейчас я в какой-то мере упорядочил весь свой внутренний скарб — результат этих курсов, поездок и прочего. И очень досадно, что нам с Анатолием не пришлось ни минуты побыть наедине, поговорить о сущем.

Толя, я читал подборку твоих стихов в «Мол<одом> коммунаре» и два стиха, показанные Ириной. О впечатлении, полученном мною от них, особенно о тех, что читал у тебя на квартире, она может сказать сама. Мне вспомнился тогда и один свой стих — «И когда опрокинуло наземь...» Иринка, думаю, показала его тебе. Перед нами выступал один из работников изд<ательств>а «Мол<одая> гвардия», знакомил с планом на 1969 год. В нем есть твоя книга «Поле боя».

У меня сейчас сдана в производство книга «Земля и зенит» — в Воронеже. Название, которое я давал условно (такая досада!), поспешили выписать на обложке. Переделать было нельзя: художник на оформлении моей книжки защитил в Москве дипломную работу. Выйдет — пришлю.

Я еще раз очень прошу извинить меня за то, что так и не смог подъехать тогда к вам. Еще хочу знать, как дела со здоровьем. Жду ответа. Вовке (речь идет о сыне А.В. Жигулина. — В.К.) — мой привет. Он человек весьма энергичный и бодрый. Кажется, из своих игрушек он уже вырос. Жму руки. Всего самого доброго.

А. Прасолов. 15.II.68».

На конверте сделана пометка А.В. Жигулина: «Отвечать поздно. Поеду в Воронеж — встретимся.

Ан.Ж. 6.VIII.68».

В домашнем архиве А.В. Жигулина сохранилось стихотворение Прасолова, написанное крупным почерком карандашом:

И когда опрокинуло наземь,
Чтоб увидеть — закрыл я глаза,
И чужие отхлынули разом,
И сошли в немоту голоса.

Вслед за ними и ты уходила,
Прикоснулась ко лбу моему,
Обернулась — и свет погасила:
Обреченному свет ни к чему.

Да, скорее в безликую темень,
Чтобы след был надежней затерян,
Чтоб среди незнакомых огней,
Было темному сердцу вольней.

Шаг твой долгий, ночной, отдаленный,
Мне как будто пространство открыл —
И тогда я взглянул — опаленный,
Но в неясном предчувствии крыл.

Внизу страницы — приписка А.Т. Прасолова: «Толя, я здесь был, тебя не застал. Как больно! Мы можем умирать от чего угодно, но прежде всего — от ностальгии».

За подчеркнуто сдержанной и деловой перепиской скрывался пристальный

интерес поэтов-земляков друг к другу. Каждому было ясно: они — поэты, но они — разные. По мировоззрению, жизненному и творческому опыту, манере письма... Не случайно Прасолов, любивший в своих эпистолах и просто в беседах с друзьями «пофилософствовать», в письмах к Жигулину даже не пытается это делать...

У БЕЗДНЫ НА КРАЮ

Жизнь А.Т. Прасолова — это бесконечные скитания по районам Воронежской области: из одной редакции в другую. Его биографы подсчитали, что с 1951-го по 1970 год он сменил более 20 рабочих мест. А в последние годы это еще и больницы, лечение душевных и физических недугов... И вот словно луч солнца: встреча с юной сотрудницей районной газеты Раисой Андреевой, рождение сына... С 1 сентября 1969 года по 27 мая 1971 года он работает в редакции Хохольской районной газеты «За коммунистический труд». Районный центр Хохольский — это примерно в 50-ти километрах на запад от Воронежа.

В письме в Россошь он сообщает другу: «Я не один. За другим столом сидит человек по имени Рая Андреева и читает Шиллера — скоро летняя сессия, а она — заочница ВГУ. Работает в нашей газете; в апреле мы скрепили свой союз».

Счастье семейной жизни угнетает неустроенный быт. Молодая семья снимает угол в старом доме. Русская печь почти не греет. Копоть. Дым... Того и гляди, угоришь до смерти. Жена, ждущая ребенка, вынуждена была уехать к родителям в Тамбовскую область.

В июне 1970 года Прасолов обращается в правление Союза писателей РСФСР с письмом, в котором через края внешней сдержанности выплескиваются боль и отчаяние. Строки из письма: «Обстоятельства вынудили меня обратиться к вам с этим заявлением. <...> Работа в газете у меня на первом месте, литературное творчество — на втором. Ладно, уж ночь зато моя. Но и ночью негде работать. <...> Здесь, в районе, надеяться на квартиру мне не приходится — в перспективе пока ничего нет. <...> В Воронежской писательской организации лежит уже не первое мое заявление о квартире. Не первый раз я слышу посулы. И только. Ничего конкретного нет».

Спустя год правление областной писательской организации выделяет семье А.Т. Прасолова скромную квартиру в Коминтерновском районе Воронежа.

Но трагедии уже не избежать...

Исповедальные строки из писем А.Т. Прасолова жене: «Моя никчемность на свете уже настолько осознана, что я явственно вижу, как я в последний раз вхожу к этим сволочам с вопросом — нужен ли я? Как выхожу от них... Все, что впереди, лишено смысла... Сознание именно бессмысленности существования — большое или здорового — все равно.

P.S. За себя перед Богом отчитаюсь...» (20 декабря 1971 года).

«2 января 1972 г. Больница. Воронеж.

<...> Ждать мне нечего, торопиться тоже некуда — пусть все идет своим чередом — ни помогать, ни мешать не надо».

Он предвидел трагический уход:

Я умру на рассвете,
В предназначенный час.
Что ж, одним на планете
Станет меньше средь вас...

О том, с какой болью воспринял А.В. Жигулин страшную весть из Воронежа, видно из записей в его дневнике:

«3 февраля 1972 года, четверг.»

23.20. Поздний вечер. Писал сейчас с Твардовском — позвонил В. Гордейчев из Воронежа <...> И сообщил печальную новость: сегодня повесился Алексей Прасолов. Он лежал в туб<еркулезной> больнице. Его отпустили на один день домой перед операцией — для завершения каких-то личных дел (в частности, какие-то деньги он должен был получить). Он деньги получил, выпил... Жена пришла — заперто изнутри. Влезли в форточку — висит в ванной. Видно, сработал какой-то комплекс, какой-то психоз.

Жалко Прасолова!

Это был очень талантливый человек! И только нынче утром говорили мы о нем с Лесневским: хорошо он, по словам Лесневского, написал о Твардовском...

Да... Жуткое дело! Любые слова излишни, пожалуй.

Много поэтов-сверстников моих погибло в последние годы от водки».

«ОН — ОТ МОЗГА, Я — ОТ СЕРДЦА...»

На этом дневниковые записи Жигулина об А.Т. Прасолове не заканчиваются. Наоборот — с каждым годом их становится все больше. Записи свидетельствуют: Анатолий Владимирович делал все от него зависящее, чтобы «пробить» стихи своего земляка в печать, опубликовать статью о его творчестве, издать «непроходимую» поэму, материально помочь вдове с маленьким сыном...

Вскоре после трагедии состоялась встреча А.В. Жигулина с председателем Госкомитета по печати при Совете Министров СССР Б.И. Стукалиным.

«10 апреля 1972 года, понедельник.»

<...> Говорили о Воронеже, о воронежцах. В частности, о наших земляках, переехавших в Москву. Егор Исаев, Василий Песков; о других писателях и журналистах. <...> Говорили о трагической смерти А. Прасолова. Оказывается, Б.И. печатал Прасолова еще в Россошанской районной газете...»

«23 сентября 1972 года, суббота.»

Утром беседа по телефону со Ст. Лесневским. О «Дне поэзии, 1972». О Прасолове. Надо найти оригинал или хоть копию его воспоминаний о Твардовском. Должно быть у Куняева. А то ведь пропадет».

«18 апреля 1973 года, среда.»

Был дома. Много телефонных бесед. Наиболее значительное: <...> В. Лакшин (о заметке А. Прасолова, о Твардовском. Лакшин подготовил запись рассказов Твардовского о его детстве и юности). Ст. Куняев (о заметке Прасолова, похоже, ее потеряли). <...> М.И. Твардовская (о письмах А.Т., о заметке Прасолова — есть у нее, слава Богу! Можно послать вдове)».

«24 августа 1976 года, вторник.»

Телефонный р<азгово>р с В. Кожиновым. О его книге про Н. Рубцова. Даже здесь не удержался Кожинов... противопоставил меня Н. Рубцову. Рубцов, дескать, поэт, а Жигулин что? — «тихий лирик». Потом оправдывался — дескать, это не хула, а похвала. И Лермонтов, мол, тихий лирик, и Ахматова... Читал мне с каким-то странным вызовом стихи поэта, имени которого не назвал. Стихи приличные, но без банальностей, более-менее сделанные. Кто, мол, это, по-твоему? Я сказал:

— Эти стихи вполне могут принадлежать многим поэтам. Не чувствуется яркой индивидуальности. Может быть, что это твой Ю. Кузнецов, может, его подражатель.

Вадим прочитал стихотворение цельное, чистое, яркое. Я сказал:

— Мне кажется, это похоже на Алексея Прасолова!

Оказалось, точно — Прасолов. Но кто-то настроил Вадима в странном тоне: во-первых, будто я не люблю Прасолова, а во-вторых (что уж вовсе смехотворно), что я развивался как поэт под сильным влиянием Прасолова! Ну и ну! <...> Мы абсолютно разные поэты. Он — от мозга, я — от сердца».

«25 августа 1976 года, среда.»

<...> После массажа в поликлинике — в ЦДЛ с Ирой. Обед. Гусь. Но не жареный, а Владимир Гусев. Беседа — об идиотском суждении Кожинова (что Прасолов на меня повлиял). Гусь даже засмеялся...»

«29 августа 1976 года, воскресенье.»

<...> Звонок А. Ланщикова. <...> Говорили с Толей о В. Кожинове. Он сказал, что давно заметил кожиновское враждебное отношение ко мне. Мало того, Толя сообщил и новую информацию. Вадим говорил ему:

— Почему Жигулин не позаботился о Прасолове?

И говорилось это с обвинением.

А кто Прасолова напечатал в «Л<итературной> г<азете>» (четыре стихотворения)? — А. Жигулин! А Твардовский дал большую подборку А. Прасолова. А еще раньше и прежде всех печатал стихи А. Прасолова в Россошанской районной газете Б.И. Стукалин. У Прасолова вышло несколько книг. О нем писали немало. А Кожинов вдруг открыл Прасолова!»

«24 сентября 1976 года, пятница.»

Зв<онил> В. Кожинову... О Прасолове. О моем выступлении в лагере. <...> Что же касается недавнего утверждения В. Кожинова о том, что Прасолов на меня влиял, то Вадим просто отказался от своих слов:

— Что ты, Толя! Вы же совсем разные поэты!

<...> И еще — я принял предложение В. Кожинова написать врезку к стихам А. Прасолова:

— Пиши, пожалуйста! Только не зачеркивай в этой статье других гениев — например, Юрия Кузнецова.

Спрашивал Вадим, почему А. Твардовский после большого цикла Прасолова в последующие несколько лет больше его не печатал. Лишь одно стихотворение опубликовал. Я помню, как Караганова об этом говорила:

— Странно! Такой был хороший цикл, а сейчас Прасолов присылает очень слабые стихи».

Из воспоминаний С.Г. Карагановой об А.Т. Твардовском: «Напечатать повесть, статью, стихи из так называемого «самотека», впервые открыв новое имя читателю, — в этом он видел особую заслугу. <...> Александр Трифонович принес из дому стихи Алексея Прасолова. Собрал нас у себя в кабинете и с воодушевлением прочел несколько стихотворений. К концу чтения голос его начал опадать, и Твардовский перешел на скороговорку. Кто-то из нас, заметив это, засмеялся. Рассмеялся и Александр Трифонович: «Да, эти пожиже. Кстати, чтение вслух — лучшая проверка и для собственных стихов. Читаешь — и вдруг замечаешь, что хочется тебе проскочить через несколько строф. Верный знак, что в них что-то не так, а может, и вовсе они лишние».

Лучшие стихи из присланного тогда Прасоловым напечатали. Алексей Прасолов, талантливый поэт, рано умер, и эта публикация оказалась у нас единственной».

По решению руководства Союза писателей СССР А.В. Жигулин был утвержден главным редактором альманаха «День поэзии 1977». На первом же заседании он объявил членам редколлегии: в сборнике обязательно должны быть подборка

стихов А. Прасолова и вступительная статья о нем. Врезку к стихам Прасолова по его просьбе согласился написать талантливый критик и земляк В.И. Гусев (к тому времени он переехал на постоянное место жительства в столицу). Помощь в подготовке прасоловских материалов оказал доцент Воронежского государственного университета В.П. Скобелев.

«4 января 1977 г.

Заметки к беседе с Вл. Скобелевым.

1. С Новым годом. Это Жигулин.

2. Ты занимался последней книжкой А. Прасолова. Дело: я — гл. редактор «Дня поэзии, 1977». Святой долг наш — отметить в мемориале А. Прасолова. В. Гусев дал небольшое воспоминание-эссе. Можешь ли ты дать подборку неопубликованных, но проходимых стихов А. Прасолова? Можно то, что было в местной периодике. Есть ли у Андреевой архив? Стихи? Письма? Фото? Связан ли ты с ней? Можешь ли сделать публикацию?»

«25 января 1977 года, понедельник.

<...> Второй звонок В. Кожинovu. Я прочел ему стихи А. Прасолова «Торжествует ночное отчаяние...» (из книги «Осенний свет», она есть у Вадима). Он не угадал «открытого» им поэта».

«22 марта 1977 года, вторник.

М.И. Твардовская. <...> О Прасолове. М.И. Твардовская переписывается с Р. Андреевой. Воспоминания А. П<расолова> о Твардовском у нее в машинописи».

«29 марта 1977 года, вторник.

Отчетно-выборное собрание творческого объединения поэтов. После партгруппы — перед собранием — много встреч. Беседа с Виктором Кочетковым при участии Иры. О рецензии В. Кожинова на книгу А. Прасолова, о книге А. Прасолова в изд<ательст>ве «Сов<етская> Россия». <...> О том недоумении, которое вызвала рецензия В. Кожинова у воронежцев, у изд<ательст>ва «Молодая гвардия», у многих других людей и организаций (Воронежское отд<еление> СП РСФСР, Центрально-Черноземное книжное изд<ательст>во и т.д.)».

«20 июня 1977 года, понедельник.

<...> Раиса Васильевна Андреева, 5-39-20, изд<ательст>во. Р. Андреева и А. Прасолов были знакомы с 69-го года. Есть архив с 55-го года (у Раисы Андреевой)».

В альманахе «День поэзии, 1977» по инициативе А.В. Жигулина была опубликована большая подборка стихов Алексея Прасолова («И вот настал он, час мой вещей...», «О, первая библиотека...», «Ты отгремела много лет назад...», «Пусть-ть», «И скручен плащ...», «Увидишь внезапно среди разных примет...», «Ничего, что этот лед без звона...», «Белый храм Двенадцати апостолов...», «Я не молюсь перед поэмой...») и статья В.И. Гусева «Талант всегда пробьется». В статье чувствовалось искренне желание понять, чего лишен был Алексей Прасолов в этом мире: «... Оказалось, нужен был кто-то, кто посвятил бы Прасолову-поэту — всю жизнь, всю свою судьбу, — такого человека не было».

«30 августа 1977 года, вторник.

Вечер. Скорей бы в Москву! Надоело мне здесь, в Малеевке. <...> Единственное нынче положительное впечатление. Смотрел в библиотеке подшивку «Лит<ературной> России». Опубликовали они, наконец, материалы А. Прасолова еще 19 августа: заметка Р. Андреевой «Добрая память» (письмо А. Твардовского к А. Прасолову, отрывки из дневника Алексея), фотография и стихи А. Прасоло-

ва: «Пустырь» и «Ничего, что этот лед без звона...» Всего только два стихотворения из пяти принятых. <...> Но ничего. Все равно хорошая получилась публикация».

«3 сентября 1977 года, суббота.

<...> Получил письмо от Р.В. Андреевой. Смысл письма: В. Кожин с помощью А.М. Абрамова добился того, что Р. Андреева отказалась от составительства книги А. Прасолова в пользу... В. Кожина. Уже написала письмо В. Шкаеву...»

«23 сентября 1977 года, пятница.

Совершенно неожиданно позвонил... В. Кожин. Я, разумеется, насторожился — Кожин просто так не звонит. Он сообщил мне, что составляет своеобразный коллективный сборник. Книга будет открываться его статьей и перед каждым поэтом — кожинское же предисловие. Подборки будут как бы цитатами в большой статье. Вот состав, намеченный Кожинным: В. Соколов, А. Прасолов, А. Жигулин, Г. Горбовский, С. Куняев, А. Передреев, В. Казанцев, Э. Балашов, О. Чухонцев, Ю. Кузнецов. <...> Поглощен В. Кожин и работой над составлением книги А. Прасолова в «Сов<етской> России». Огорчен тем, что, несмотря на письмо Р. Андреевой («письмо с печатью»), В. Шкаев не дает ему договор. И просит моей помощи...

<...> Что ж, я помогу ему. Пусть составляет. Надо достать хорошую фотографию А. Прасолова. Была хорошая фотография, по словам В.К., в «Мол<одом> коммунаре» в 1965 году. Но вряд ли сохранился негатив».

«8.V.78 г., понедельник.

Довольно ранний звонок В. Гусева. Поиски писем А. Прасолова (нашлось 9, но должны быть еще). Поездка к В. Гусеву. <...> Просматривание писем, фотографий, вырезок. Еще в 1967 году (12 июля) я дал в «Л<итературную> г<азету>» подборку А. Прасолова — четыре стихотворения, самая крупная его подборка в центр<альной>прессе тех лет после новомирской. Однако Вадик Кожин до сей поры не расстается со своей садистской претензией ко мне: «Почему Жигулин скрывал Прасолова и не любил его?» Это идет, конечно, от <...>. И Гусь, по его словам, не сумел переубедить В. Кожина. <...> И почему я должен был скрывать или пропагандировать Прасолова? Когда мне было — я все пил да болел? Самого себя не было времени и сил ни показывать, ни пропагандировать!»

В дневнике А.Т. Прасолова есть запись от 23 августа 1967 года: «Письмо А. Жигулину в «Л<итературную> г<азету>». (См.: Алексей Прасолов. И душу я несу сквозь годы... Сост. и прим. Р.В. Андреевой-Прасоловой. — Воронеж, 2000. — В.К.)

«10.V.78 г., среда.

<...> Вечером — звонок В. Гусева. Он узнал от Мих. Чернолуцкого о том, что издательства «Сов<етская> Россия» распространяются чудовищные слухи о том, что Жигулин и Гордейчев (и, кажется, Раиса Андреева) ...остановили сборник А. Прасолова. И исходит это от ...В. Шкаева. Уж кто-кто, а Шкаев должен был знать истину. <...> Даже писать противно».

«11.V.78 г., четверг.

<...> Встреча с В. Гусевым в Литинституте. Передача ему прасоловских материалов: 1) 10 писем А. Прасолова ко мне (одно — Ирине); 2) сборник «В добрый путь», книги А. Прасолова «День и ночь» и «Лирика», подаренные мне Алексеем (на последнем надпись в стихах); 3) три фотографии: февраль 1964 года, я у Прасолова в лагере (в том числе мое выступление, где лозунги); 4) вырезки из «Л<итературной> г<азеты>» с подборкой А. Прасолова, которую я готовил (12.VII.67)».

«РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ!»

Из дневниковых записей видно, какую важную роль А.В. Жигулин сыграл в публикации поэмы А.Т. Прасолова «Безымянные» в журнале «Литературное обозрение» (главным редактором издания с 1977 по 1997 год был его приятель, поэт и критик Л.И. Лавлинский).

«31 января 1983 года, понедельник.»

В одну из последних моих поездок на родину, в Воронеж, вдова поэта Алексея Прасолова передала мне одно из последних произведений поэта — драматическую поэму «Безымянные».

Неизвестная, значительная по объему вещь известного советского поэта, созданная в пору зрелости, — это, действительно, находка.

Здесь сбылось булгаковское: «Рукописи не горят!». Сбылось с существенной поправкой: не горят, если они находятся в надежных руках. Этими руками оказались руки жены и верного друга Алексея Прасолова — Раисы Андреевой-Прасоловой.

О большой роли Раисы Васильевны в жизни и творчестве Алексея Прасолова ярко говорит, в частности, один важный факт. В 1971 году в Воронеже вышла последняя прижизненная книга стихов А. Прасолова «Во имя твое». На третьей чистой странице этой книги обозначено: «Р. Андреевой посвящаю». И ниже эпиграф:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть...

М. Лермонтов

Эти прекрасные слова говорят сами за себя».

«21 мая 1983 года, суббота.»

<...> Звонок Л. Лавлинскому и беседа с ним. <...> Поговорили о публикации А. Прасолова. Он считает, что надо во врезке, в моей врезке к Алешиной поэме, как-то объяснить то обстоятельство, что герой-солдат обращается с мольбой к Богу. Как-то смягчить. Смягчим, придумаем, объясним. Жаль, нет ни текста поэмы, ни врезки перед глазами. Врезку-то я (копию), наверное, найду дома. А вот поэма-то была в единственном (2-м или 3-м) экземпляре. Собираются дать и фотографию Алексея с Раисой (слава тебе, Господи!) И тыфу, тыфу — не сглазить! Около 10-го номера предполагается публикация. Дай бог!»

«20 сентября 1983 года, вторник.»

<...> Вечером позвонил Леонард — приехал из Болгарии и получил мои стихи. Очень тронут, — говорит, — спасибо! <...> Но я, конечно, перевел разговор на А. Прасолова — чтоб дали они поскорее его поэму и вообще всю публикацию. Боюсь, что из-за обращения пленного солдата к Богу может сорваться публикация.

Может, оттянуть ее подальше на весну, пока это очередное увлечение властей борьбой с «богоискательством» пройдет? Перекроется очередным пленумом? Вот не везет как Алешке! Даже после смерти... Леонард сказал, что все помнит. Помню, дескать, и поправку, которую ты сделал (какую? я дописал врезку, чтобы «оправдать» Бога)».

«19.XII.83 г.»

Построение прасоловской публикации в «Л<итературном> о<бозрении>» (по словам В.М. Пискунова). Общий заголовок: «Рукописи не горят».

I. а) Моя расширенная врезка.

б) Поэма А. Прасолова.

в) Письмо Р. Андреевой-Прасоловой ко мне с вариантом иной концовки поэмы. П. Переписка А. Прасолова с В. Гусевым (с его вступлением).
III. Письма А. Прасолова Астафьеву с предисловием А.М. Абрамова.
Слава тебе, Господи! Дней через 10 будет верстка. И фотография идет».

«26 декабря 1983 года, понедельник.

<...> Леонард звонил: потеряли мое добавление к врезке перед поэмой А. Прасолова. Пришлось восстановить добавление по черновику (еле-еле нашел) и кое-что еще добавить. Словом, почти переписал свою врезку «Рукописи не горят». Вова (сын поэта Владимир. — В.К.) перепечатал, молодец».

«2 марта 1983 года (опечатка: 1984. — В.К.), пятница.

Днем позвонил Тимофей Федорович Прокопов, ответственный секретарь «Литературного» «обозрения». Славный человек. Сказал мне, что сигнал был вчера, публикация в целости. А еще рассказал, что около 1 февраля Главлит твердо решил снять поэму Прасолова. Никак, мол, невозможно — советские солдаты молятся, обращаются к Богу, просят матерей помолиться за них и т. п. Вот почему меня вызвали тогда в редакцию, это было 3 февраля, и попросили сделать вставку. «Мало того, и автор, и его лирический герой... и т.д.» (стр. 102). И эта вставка решила судьбу. И фотография осталась. Да, вся публикация слетела бы без поэмы.

Оказывается, можно помочь товарищу и после его смерти. Дурацкая вставка забудется, а поэма выйдет в свет и ее можно будет напечатать в новой воронежской книге Алексея. Залитована! Между прочим, что касается Бога, — поэма противоречива. Алеша не был религиозным человеком. Отсюда и противоречия. «Сложные» у него были отношения с Русской Православной Церковью. <...> А поэму А. Прасолова и вообще весь журнал они отдают в Главлит в стадии верстки (для ускорения). А в верстке да и в сверке вставки не было».

Фрагмент из статьи-врезки А.В. Жигулина к подборке «Рукописи не горят» в журнале «Литературное обозрение» (март 1984 года):

«В некоторых статьях критик В. Кожин сетовал, что вот-де такого поэта, как Алексей Прасолов, никто не заметил и никто не помог ему в свое время.

Полноте, Вадим Валерьянович! Заметили и помогли. Кто заметил и кто помог? Да Твардовский Александр Трифонович! Взял да и напечатал большую подборку А. Прасолова «Десять стихотворений» в «Новом мире», в восьмом номере 1964 года, на 13 — 14 лет раньше Ваших первых статей о Прасолове. А в 1967 году автор этих строк, едва ли более пяти месяцев ведавший стихами в «Литературной газете», успел-таки напечатать подборку стихов Прасолова.

В Воронеже А. Прасолову помогали критики В. Гусев, А. Абрамов, В. Скобелев, О. Ласунский».

«21 марта 1984 года, среда.

<...> Прислал письмо новый директор Воронежского книжного издательства А.Н. Свиридов. Очень ему понравилась, как он пишет, моя статья о Прасолове в «Литературном обозрении».

«1 апреля 1984 года, воскресенье.

<...> Дневной (долгий и в воскресенье) разговор с Р. Андреевой. Она говорит: — Спасибо Вам, Анатолий Владимирович! Все меня поздравляют. И в издательстве сразу изменилось ко мне отношение».

Думается, здесь уместно привести фрагмент из статьи воронежского писателя Е.Г. Новичихина: «...Довольно распространенное мнение о том, что сначала Прасолова-поэта заметили в Москве, а в Воронеже — уж потом, не совсем точно. Вер-

нее, совсем не точно. Алексея часто публиковали и «Подъём», и областные газеты. А первая книжка... Да, она появилась в Воронеже уже после публикаций в Москве. Но, думаю, Прасолов не очень спешил с ней. Он был к себе сверхтребовательным».

«НАДО ИСКАТЬ ИНЫЕ РЕЛЬСЫ...»

В 2003 году в московском издательстве вышла — без преувеличения можно сказать — уникальная книга: Алексей Прасолов. «Я встретил ночь твою. Роман в письмах» (Сост., предисловие и примечания И.И. Ростовцевой). А.Т. Прасолов предстает в книге не только как крупный поэт, но и как философ, психолог, проникательный и остроумный собеседник, заботливый и очень ранимый человек.

Поражает новизной и глубиной материал книги: это письма из тюрьмы А.Т. Прасолова к близкому другу, критику И.И. Ростовцевой, а также никогда не публиковавшаяся проза поэта, его рисунки, фотографии, автографы стихотворений. Для нас письма интересны тем, что содержат ценную информацию об отношениях А.Т. Прасолова и А.В. Жигулина. Они демонстрируют неподдельный, пристальный интерес А.Т. Прасолова к личности и творчеству талантливого земляка.

«Хотелось бы иметь воронежский адрес Ан. Жигулина. Возможно ли это? <...> 1.X.62».

«...Значит, в Москве были Гордейчев и Жигулин? Что у Жигулина с поэмой? Чем кончилась его осада? Как он сейчас живет? Хотелось ему написать, но есть нечто более сильное, чем это желание... Раньше оно не ощущалось. <...> 16.V.63».

«Вчера в «Коммуне» две новости; первая — третий сборник Жигулина «Рельсы». Наверное, северные стихи вошли и сюда. Видела ты его? Слабей второго? Или лучше? <...> 12.VIII.63».

«Сегодня — три стиха в «Коммуне» Жигулина. Чувствуется опытность, но не новизна! И плохо, если эти понятия автор не разграничит своевременно. Я сейчас чувствую, что, написав последние стихи, надо искать, вернее — продолжать начатое в ином, неосвоенном. <...> 17.VIII.63».

Письма А.Т. Прасолова наглядно показывают, как напряженно и мучительно поэт размышлял над сутью поэзии; стараясь быть беспристрастным, сравнивал жигулинские стихи со своими, искал в них сходства и различия. Работая в лагерьной библиотеке, куда пристроил поэта симпатизировавший ему майор Гонтарев, Прасолов много читает, думает, пишет...

«Как я смотрю на трудовые стихи и на жигулинские? Кое в чем они родственны: порождены сходной судьбой, жизнью. Но если Жигулин на первый план выдвинул нечеловечески суровые условия труда, то я взял за основу внутренний мир рабочего. Как — это иной вопрос. Смотри вслед за мной: все 10 стихов первого цикла «Край жил золотых» — в первом — холод, костер-человек и человек-костер, во втором — рельсы, тяжесть, в третьем — треска, страдание, в четвертом — вагонетка, тяжесть, нелегкая дружба и т. д. У меня: «Кирпич» — тяжесть труда — срок, основное — на труде держится все — от Кремлевской стены до глав Вас<илия> Блаж<енного> и долговечность труда маленьких людей; «Цветок» — суровая неистребимая жизнь и тревога о ней, извечная тревога среди разрушений и созидания; «Портрет» — братство людей, родственность непокорного духа наших простых людей и людей далекой Кубы; «Отместка» — борьба в более узком месте, борьба наша, внутренняя, что хуже язвы; «Родник» — из каменной вечности — бессмертная чистота, которой люди знают цену. Это — внутреннее. Есть переключки с Жигулиным? Нет.

Внешне. У него стих подчеркнуто строгий, прерывистый, местами тяжеловатый. Ладно, ведь стихи о тяжелом. Образы не часты, с приглушенной окраской.

Понятно: речь о суровых северных краях, о суровых людях. У меня образ почти в каждой строфе, тон не столь суровый и мрачный.

Сходство интонации? Об этом рано говорить: своей ни у него, ни у меня. Делить еще нечего.

Есть преимущество. Более богатый фактический материал, больше драматизма. Сильно окрашивает цикл стих «Обвал» — гибнет человек, «Рельсы» — «нас по восемь на рельс, а под вечер — по десять»... Здесь у меня в одном месте соприкосновение: «с утра в ней 8 кг, к концу работы — целый пуд». Нотка страдания. «Товарищ» — стих несамостоятельный.

Вот что мне кажется. Но — ты смотри незамутненным взглядом. <...> 4.XII.62 г.».

Имя Жигулина упоминается и в других письмах А.Т. Прасолова. Вот, к примеру, строки из его письма Юрию Жданову:

«От Ж<игули>на Анатолия получил 2 сборника моск<овского> изд<а>ния. И письмо. Дружеское. Он в Москве на курсах. В январе обещает приехать к нам — со стихами. Добро бы — так. Боюсь за одно: вьелся он в одну тему и в ней силен, в других же — слаб. Та тема не вечная. И она уже у него иссякает. Надо искать иные рельсы... 9.X.63».

А еще были письма Б.И. Стукалину, В.М. Пескову, В.И. Гусеву, В.М. Полякову и другим адресатам, где также мог упоминаться А.В. Жигулин. Но это тема для отдельного исследования.

По свидетельству Р.В. Андреевой-Прасоловой, Алексей Тимофеевич Прасолов высоко ценил поэзию Жигулина. Как настоящий поэт, он воздавал должное собрату, земляку и современнику за его несомненный поэтический дар, отличный от собственного, но от этого не менее искренний и глубокий.

Тому подтверждение — такая малая деталь.

— Скитаясь по районным газетам, — вспоминает Раиса Васильевна, — он хранил при себе в старом потрепанном чемодане очень мало книг, видимо, самые дорогие для него. Среди них были томик стихов Александра Блока, «Из лирики этих лет» Александра Твардовского и «Прозрачные дни» Анатолия Жигулина. Однажды, обращая мое внимание на обложку тоненького жигулинского сборника, где была изображена несколько мрачноватая крона дерева, он сказал: «Похоже на Толины легкие после Колымы...». С такой болью, с таким сочувствием, — как говорят о близком человеке...

«КАК СЕБЯ НАМ В ЖИЗНИ УДЕРЖАТЬ...»

В лихие 90-е годы А.В. Жигулин жил особенно бедно, практически в нищете. В беседах с друзьями он не раз с горечью цитировал строки из стихотворения «В больничном саду» (1975), посвященного поэту Д. Голубкову: «...И стихи, к сожаленью, не кормят. Только поят, и то не всегда».

Последняя книга его стихов «Летающие дни» вышла в 1989 году, последнее издание повести «Черные камни» — в 1996-м.

Приведу несколько характерных для того периода записей из дневника А.В. Жигулина.

«2.II.94, среда.

Приезжал В. Кулиничев. Привез посылочку из Воронежа — от себя, А. Сорокина, П. Новикова — колбасу воронежского завода, банку сардин, кажется, пачку чая и лимон. Очень меня это тронуло. Колбаса полукопченая, вкусная, как в годы застоя».

«4.II.94, пятница.

...Вечером снова был Вадим Кулиничев. Он приезжал за интервью к Старшину. Ира их познакомила и все уст<р>оила.

Принес Вадим еще два лимона и пачку чая — от Льва Кройчика. Они в Москве оба по каким-то университетским делам. Спасибо».

«17 мая 1994 года, вторник.

Тоска и жрать нечего. В доме нет ни копейки. И занять негде».

«9 декабря 1999 года, четверг.

Кончилась примерно неделя голодного времени. Ира получила наши с ней пенсии и купила еды...»

И совсем безысходная — гибельно страшная — запись в жигулинском дневнике:

«7 июля 1993 года, среда.

Примирился с петлей. Раз нет пистолета, что делать. Единственное, что удерживает от самоубийства, — это сознание, что семья без моей пенсии окажется в бедственном положении. Да и хоронить дорого, тысяч двести надо. А у нас денег нет даже на хлеб».

Он умер 6 августа 2000 года после тяжелой и продолжительной болезни. Спустя полвека его настиг урановый рудник Бутугычаг. И не пощадил.

Похороны состоялись на Троекуровском кладбище (Кунцевский район столицы). По свидетельству очевидцев, они были скромными, как и сама земная жизнь поэта. Проводить А.В. Жигулина в последний путь пришли самые близкие друзья и единомышленники.

В дни траура телеграмму с соболезнованиями прислал И.В. Жигулиной президент России В.В. Путин: «Анатолий Владимирович был человеком с непростой, драматичной судьбой. Но никакие тяготы и лишения не смогли сломить его творческую волю. Он стал одним из первых литераторов, открыто рассказавших страшную, но такую необходимую правду о недавнем прошлом нашей страны. Память об Анатолии Владимировиче навсегда остается в сердцах благодарных читателей, коллег, друзей».

Одно из последних стихотворений Анатолия Жигулина посвящено Ирине Викторовне — жене, верному другу, Музе. Но в нем вопрос ко всем нам: как спастись от ничего бездушья, — вопрос, который почти тридцать лет назад так же мучительно и горестно задавал себе и другим Алексей Прасолов...

Ира, Ира! Вновь неразбериха
В этом смертном мире золотом.
И опять клюкой стучится лихо
В наш обжитый и уютный дом.
Что нам делать в это злое время?
Как себя нам в жизни удержать?
Что случилось на земле со всеми?
Как нам этой жути избежать?
Как спастись от яда равнодушья
Наших бывших радостных друзей?
Как спастись от ничего бездушья,
От бессильной ярости своей?
Я не знаю, может, так и нужно.
Не прогнать судьбу лихую прочь.
Неужели в горести недужной
Даже Бог не сможет нам помочь?..

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Мы начали статью с обзора схожестей в прижизненных судьбах А.Т. Жигулина и А.Т. Прасолова. Но, оказывается, много поразительных совпадений и в их продолжающейся духовной жизни после ухода в мир иной.

Именем А.В. Жигулина названа улица на Левом берегу Воронежа, в поселке Репное. Имя А.Т. Прасолова носит одна из улиц в Коминтерновском районе областного центра.

Имя А.Т. Прасолова присвоено библиотеке № 19 Воронежа и межпоселенческой библиотеке г. Россоши Воронежской области. Имя А.В. Жигулина украшает название библиотеки семейного чтения № 9 Воронежа. В дни памяти и рождения поэтов здесь устраиваются Жигулинские и Прасоловские чтения.

В Воронеже установлены мемориальные доски в честь А.В. Жигулина и А.Т. Прасолова.

В воронежских периодических печатных изданиях, журнале «Подъём» регулярно публикуются статьи о жизни и творчестве А.В. Жигулина и А.Т. Прасолова.

Все это говорит о том, что память об Анатолии Владимировиче Жигулине и Алексее Тимофеевиче Прасолове жива на родной воронежской земле. А самое главное — жива их поэзия, их стихи и проза, которые, обладая какой-то сверхъестественной волшебной силой, залечивают душевные раны и воскрешают в людях, казалось бы, навсегда погибшие чувства — доброту, милосердие, сострадание, любовь к ближнему, жажду справедливости...

На этих «китах» всегда держался и держится мир.

Хочется верить, что недалек тот день, когда оба поэта, совершив длительное и трудное путешествие, навсегда вернуться в родной город, в котором когда-то начался их блистательный литературный путь.

Они многое сделали, чтобы увековечить Воронеж и родной край в своих произведениях.

Теперь пришло время увековечить их.

В бронзе или граните.

